

День рождения Мориса Бежара приходится на первый день Нового года. Нынче ему исполнилось 70 лет. Свой юбилей маэстро отметил несколькими спектаклями — большим гала-концертом в Лозанне, премьерой "Пресбитер..." в парижском театре Шайо и там же возобновленным балетом "Месса по нашему времени", созданным 30 лет назад. Несмотря на неоднократные заявления хореографа не возвращаться к прошлым своим произведениям, он все же это сделал, и неожиданно его старая "Месса" зазвучала в унисон с премьерным спектаклем, который посвящен двум суперзвездам — Фредди Меркьюри и Хорхе Донну, умершим от СПИДа.

ПРЕМЬЕРЫ

Виктор ИГНАТОВ

Своей новой работе М.Бежар высказался так: "Этот балет связан со многими чувствами. Я его себе представляю не роковым, не пораженческим, а радостным. Не нужно думать, что это балет о смерти, я в нем говорю не о СПИДе, а о людях, которые умерли молодыми". Поэтому в спектакле звучит музыка не только Ф.Меркьюри, но и великого Моцарта, который умер в 35 лет, то есть, покидая этот мир, он был на 10 лет моложе, чем Ф.Меркьюри и Х.Донн.

Оптимизм наполнен финал балета, в котором главная идея М.Бежара — "несмотря ни на что, спектакль должен продолжаться" — своеобразно отражается в заключительной музыкальной теме "Show must go on!" ("Шоу должно идти дальше"). Эту популярную песню Ф.Меркьюри на премьере исполнил знаменитый английский певец и композитор Элтон Джон вместе с тремя музыкантами группы "Куин" под ритмичные аплодисменты публики. В зале находились супруга президента Франции Бернадетт Ширак и министр культуры Филипп Дуст-Блази, который по окончании спектакля произвел

Э.Джона в кавалеры Ордена искусств и литературы за его вклад в интернациональную кампанию по борьбе со СПИДом.

В спектакль включены 17 наиболее известных песен Ф.Меркьюри. На их основе хореограф выстраивает, как всегда, сложную композицию, используя не столько лексику танца, сколько органичный синтез акробатики и гимнастики. И это оправданно — сама ритмика музыки группы "Куин" отрицает возможность использования ее при создании традиционной балетной партитуры, даже если под традицией подразумевается новаторская хореография Мориса Бежара. Однако не роком единым. Мэтр не отказал себе в удовольствии сочинить четыре роскошные танцевальные вариации, для которых он включил в фонограмму фрагменты из произведений Моцарта: "Тамос" и "Богемская рапсодия", часть одного из фортепианных концертов и отрывок из оперы "Так поступают все". Эти вариации имели особый успех у публики — восхитительные соло сначала Жилия Романа, а потом Козн Онзия венчались горячими аплодисментами.

Молодая лозаннская труппа Бежара проводит спектакль с большим энтузиазмом и, я скажу бы, с наслаждением. В женской группе, несомненно, самая привлекательная Кристин Блан

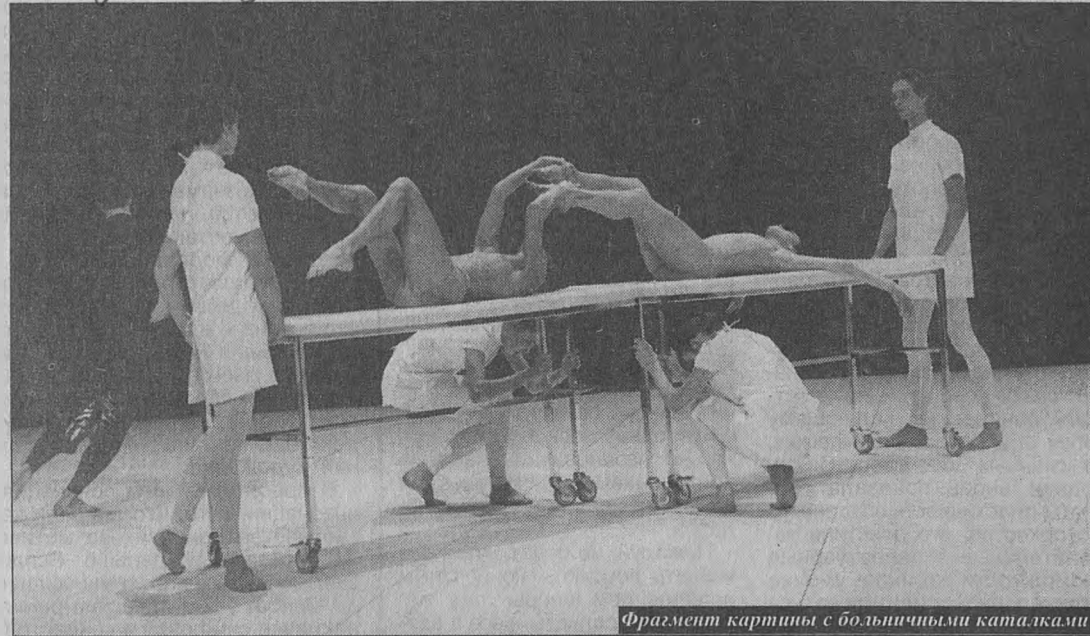
Морис Бежар

— юное изящное дарование с магической пластикой и превосходной техникой. Она танцует на пуантах, все же остальные — либо босые, либо... в кроссовках. Талантливая балерина особенно пленительна и грациозна в романтическом соло под музыку "You take my breath away". Она исполняет его на фоне причудливой графики, между двух огромных полых сфер, внутри которых плавно пульсируют мужские тела.

Главная удача спектакля — образ Ф.Меркьюри в интерпретации Грегора Метцгера. Высокий, худой, бритоголовый артист поразительно точен и убедителен в пластике, мимике и жестах, блистательно исполняя драматургически сложную роль легендарного рок-идола. В значительной степени танцовщику помогают фонограмма песен Ф.Меркьюри и, конечно, экстравагантные костюмы — узкие брюки и куртки рокера из черной или красной кожи, белые и серебристые комбинезоны, королевская мантия, разноцветные парики, шапка из бананов, красный бархатный колпак с короной, расписные туфли на толстой платформе с фирменным узором Версаче.

Серебряные

Культура. — 1997. 22 марта. — С. 14-15
Морис Бежар о Фредди Меркьюри,

Фрагмент картины с больничными каталками

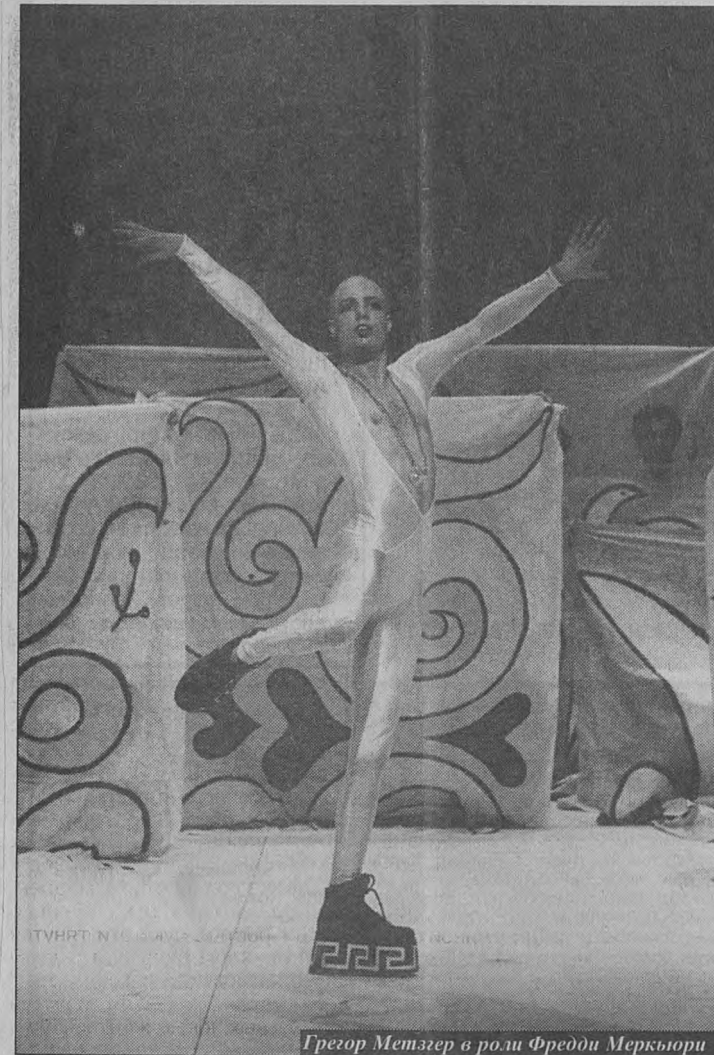
Знаменитый итальянский модельер Джанни Версаче создал для спектакля богатую коллекцию элегантных костюмов, подчеркивающих индивидуальность танцовщиков. Отдав предпочтение бело-черной цветовой гамме, Дж.Версаче предложил своеобразную вариацию на тему спортивно-пляжной одежды. Ее украшают черные геометрические линии, которые гармонично вписываются в жесткий квадрат контрастной сцены с белым пластиковым покрытием, черным задником и белыми высокими призмами вдоль кулис.

Необходимую атмосферу искусно создает и освещение (автор — Клеман Кайрал). Одна из картин спектакля обретает некий особый настрой благодаря изысканной графике на шелковых полотнах палевого цвета (художник Крис Рух). Из этих полотен с фантастическими росписями танцовщики составляют причудливый мозаичный орнамент. Вместо традиционной сценической заставки М.Бежар трижды использует "световой занавес", безжалостно им выставляя в публику и, конечно, ее ослепляя.

Спектакль начинается с яркой вспышки "светового занавеса" и мощных раскатов грома. Затем взору открывается залитая белым светом сцена, на которой, словно в морге, под белыми простынями лежат 30 неподвижных тел. Песня "It's a beautiful Day" их как бы оживляет. Из-под каждого савана появляется и медленно поднимается рука. Словно живые ростки, руки эти тянутся к свету. Хореограф на глазах у зрителей как бы "реанимирует" своих героев. А затем, состав из мертвых, юные жертвы чумы XX века почти два часа без пе-

крылья ангела

Хорхе Донне, о себе и СПИДе

Грегор Метцгер в роли Фредди Меркьюри

рерыва держат зрительный зал в полном оцепенении, воплощая в пластике бесконечную гамму человеческих чувств: любовь и страсть, счастье и страдание. В финале спектакля все его участники под ту же песню Ф.Меркьюри вновь ложатся под погребальные белые ткани. Такой вот в общих чертах сценический рисунок.

Пересказать все 24 картины просто невозможно. Отмечу штрихами лишь некоторые. Под грустную тему фортепианного концерта Моцарта санитары вывозят на сцену на больничных каталках почти обнаженные тела девушки и юноши. По их вялым жестам, отрешенным взглядам легко понять, что они смертельно и неизлечимо больны. Иногда каталки оказываются рядом, и хрупкие тела красиво сплетаются в причудливых позах, словно увядающие цветы. В финале картины влюбленные оказываются на полу в разных углах сцены. На пороге смерти они протягивают руки навстречу друг другу, как на знаменитой фреске Микеланджело. Затем один из героев спектакля подтягивает их безжизненные тела в центр сцены и соединяет руки, что, по всей видимости, должно символизировать вечность любви.

Очень эффектно сделана картина, где звучит траурный марш. Премьер труппы Ж.Роман исполняет соло на залитой синим светом сцене, над которой устрашающе свисают четыре гигантских рентгеновских снимка. Этот натуралистический танец,

решенный языком пантомимы, воспринимается как предупреждение молодежи о смертельной угрозе СПИДа.

В спектакле нет артиста, который воплощал бы на сцене образ Хорхе Донна. О Донне рассказывают кинокадры на огромном экране. Совершенно потрясают, в частности, те, что представляют легендарного танцовщика в чрезвычайно экспрессивном фрагменте из балета М.Бежара "Нижинский — клоун божий". На его лице — крупным планом — то с жутким оскалом смеха, то со слезами безысходности особенно отчетливо видна печать трагизма благодаря необычайно проникновенному музыкальному сопровождению. Ф.Меркьюри надрывно исполняет песню "I want to break free" как бы специально для Х.Донна, и божественная пластика танцовщика поразительно созвучна эмоциональному накалу певца. Оба артиста говорят об одном и том же — о трагичности своей судьбы. У каждого она была своя, и у каждого — роковая. Рок их в конце концов и соединил.

В финальных кадрах почти нагой Х.Донн бьется в конвульсиях на сцене, а затем на ней же сосредоточенно выкладывает для себя крест из белых длинных полотен. Распятый на кресте, с пробитыми гвоздями руками и бледным кровотокающим лицом, он внимательно на нас смотрит своими огромными красивыми глазами. В этой эмоционально пронзительной, психологически взрывной картине спектакль достигает своего апогея.

Фрагмент спектакля

Наряду с удачными новациями знаменитый хореограф использует и цитаты из своих прежних постановок. Вновь появляется его символический ангел. Правда, теперь у него крылья сделаны не из перьев, как ранее, а из серебристой сетки и чем-то напоминают конструкции Икара. В белых модных шортах и "оперении" в стиле Версаче ангел медленно ступает по сцене, как бы парит над ней.

Нужно признать, что Бежару, безусловно, превосходному мастеру ансамблей и массовых сцен, все-таки не всегда удается найти решение картин, которое бы полностью соответствовало эмоциональному накалу голоса Меркьюри. Например, песня "I was born to love you", полная тоски, отчаяния, страсти. Пока она звучит, три танцовщика вяло перемещаются по сцене, оказываясь не в состоянии полностью погрузиться в бешеную музыкальную ритмику этого любовного признания.

Как известно, М.Бежар любит участвовать в своих спектаклях, но на поклонно выходит только один-два раза. По окончании нового спектакля в нарушении этой традиции юбиляр почти четверть часа присутствовал на сцене под несмолкающие овации публики, которая

стоя, с ликованием приветствовала великого мастера. Но не ради венков славы мэтр так долго остается на сцене: он готовится к эпилогу.

После того как растворяется заключительный "световой занавес", в глубине белоснежной, ярко освещенной сцены появляется, как всегда в черном, Морис Бежар. Под композицию "Show must go on" к нему поочередно выбегают из кулис все артисты, занятые в спектакле. Взявшись за руки, танцовщики и Бежар уверенной поступью продвигаются вперед, к авансцене, символизируя оптимизм и устремленность в будущее. Финальная точка: под мощные звуки композиции "Куин" М.Бежар выбрасывает над головой руку, сжатую в кулак, как бы утверждая победу жизни над смертью.

P.S. По словам М.Бежара, название нового спектакля с его содержанием никак не связано. Просто хореограф взял понравившуюся ему фразу-пароль из детективного романа Гастона Леру "Тайна желтой комнаты". "Дом священника (пресбитер) совсем не потерял своего очарования, а сад — своего великолепия"...

ПАРИЖ